

Германский и Великобританский Марк (Арндт), епископ Женевский и Западноевропейский Михаил (Донсков), представители ССПБИ протоиереи Николай Чернокрак и Николай Озолин, представитель Германской епархии Русской Православной Церкви за границей Николай Артемов. ПСТГУ активно участвовал в подготовке и реализации воссоединения Русской Православной Церкви 2007 г., и в последующие годы в богослужебной и научно-богословской жизни университета принимали участие архиереи и клирики зарубежной части Русской Православной Церкви. В издательстве ПСТГУ неоднократно издавались работы богословов русской диаспоры: епископа Кассиана (Безобразова), архимандрита Киприана (Керна), протопресвитеров Иоанна Мейендорфа, Александра Шмемана.

НЦ ИБиБО, соотнося свои исследовательские интуиции с общей концепцией ПСТГУ, начал разработку проекта по изучению богословского наследия зарубежных соотечественников. Большой радостью стало не только понимание, но и всяческое содействие руководства ССПБИ — декана протоиерея Николая Чернокрака и инспектора протоиерея Николая Озолина. Разрешение работать с материалами архивных фондов профессоров ССПБИ, указания и советы стали неоценимой помощью в работе НЦ ИБиБО ПСТГУ.

Рубрика «Русское богословие XX века» открывается статьей, посвященной памяти архимандрита Киприана (Керна). Этот выбор не случаен, ибо именно отец Киприан стал личностью, связавшей в наших исследованиях русское богословие XVIII — начала XX в. и богословие русской диаспоры XX в. На протяжении многих лет архимандрит Киприан ревностно изучал труды своих дореволюционных предшественников, составлял картотеку выпускников российских духовных академий XIX — начала XX в., был в вопросах русской богословской традиции «неким справочным бюро для... иностранных и инославных друзей»¹. Это внимание и преданность отца Киприана русской богословской традиции побудила и нас обратиться прежде всего к его личности и наследию. Любимым русским богословом отца Киприана был святитель Филарет (Дроздов)...

¹ Из письма архимандрита Киприана протопресвитеру Василию Виноградову от 10 июня 1957 г. (Архив ССПБИ в Париже. Фонд архимандрита Киприана (Керна)).

Н. Ю. Сухова

«НАШЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ЕВХАРИСТИЧНО...»: ПАМЯТИ АРХИМАНДРИТА КИПРИАНА (КЕРНА)

«Человек не есть только факт этого эмпирического мира, но и имеющая быть осуществленной идея, имеющий раскрыться замысел Божий о лучшем из Его созданий...»

*(Киприан (Керн), архим.
Антропология св. Григория Паламы.
Гл. VIII: Обожение человека)*

Настоящая статья посвящена одному из представителей «русского парижского» богословия — профессору Свято-Сергиевского Православного Богословского института (ССПБИ) архимандриту Киприану (Керну). Богослов, патролог, литургист, пасторолог, церковный историк, пастырь, преподаватель, архимандрит Киприан был одной из заметных фигур «русского Парижа» 1930–1950-х гг. даже на фоне блестящей плеяды таких богословов, как епископ Кассиан (Безобразов), протоиереи Сергей Булгаков, Георгий Флоровского, Василий Зеньковский, Николай Афанасьев, А. В. Карташев, Б. П. Вышеславцев, В. Н. Ильин, В. Н. Лосский, Г. П. Федотов, Л. А. Зандер...

С именем архимандрита Киприана связано много событий и имен русской церковной диаспоры. Он был одним из вдохновителей «патристического возрождения», инициатором знаменитых «литургических съездов», объединивших исследователей разных стран и конфессий. Представители иных конфессий, прежде всего католики, знакомились с русским богословским наследием через труды и лекции архимандрита Киприана, которые он читал на протяжении нескольких лет в Католическом институте в Париже. Архимандрит Киприан был духовным сыном митрополита Антония (Храповицкого) и духовным отцом русского писателя Б. К. Зайцева, последователем протопресвитера Николая Афанасьева и учителем по Свято-

Сергиевскому институту протопресвитеров Александра Шмемана, Иоанна Мейендорфа, Бориса Бобринского.

Архимандрит Киприан жил в беспокойное время, когда очень многое менялось в жизни конкретных людей и народов, мир потрясли страшные войны. Эти перемены, миграции, катаклизмы не способствовали размеренной научной работе и спокойной преподавательской деятельности. Тем не менее архимандрит Киприан принадлежал к тем, кто смог вопреки веку сему посвятить свою жизнь пастырскому служению, молитвенному подвигу, научно-богословской и духовно-учебной деятельности. Конечно, и это было для него не всегда просто: и в церковной, и в учебной деятельности было немало административных тягот, а он тосковал о том, что считал делом своей жизни: научно-богословской работе, неразрывно связанной с Литургией.

И все же архимандриту Киприану удалось сделать много. Его труды по патристике, литургике, пастырскому богословию вошли в сокровищницу русской православной науки. Его ученики стали выдающимися богословами, продолжили дело учителя, развили и обогатили его идеи. Наконец, церковным наследием архимандрита Киприана является благодарная память духовных чад, прихожан, кому он открыл красоту православного богослужения, глубину духовной жизни, ее неразрывную связь с богословием.

В церковно-богословскую среду в России имя архимандрита Киприана (Керна) вошло ярко и весомо в 1990-х гг. За короткий период 1992–1999 гг. появились привезенные из-за границы или переизданные «Евхаристия», «Золотой век святоотеческой письменности», «Антропология св. Григория Паламы», «Православное пастырское служение», «Крины молитвенные» (под новым названием «Взгляните на лилии полевые: Курс лекций по литургическому богословию»), «Отец Антонин Капустин»; заново изданные лекции по патрологии (ч. 1) и «Литургика: Гимнография и эортология». Это богатство в изголодавшейся по богословским трудам России поражало и восхищало; не верилось, что все это было написано одним человеком. В те годы отец Киприан внес в российскую церковную жизнь свою убежденность в том, что «жить надо в евхаристической настроенности»¹,

¹ Киприан (Керн), архим. Евхаристия. Из чтений в Православном Богословском институте в Париже. Париж, 1992 (репр. изд.: Париж: YMCA-Press, 1947). С. 28.

что «богословствующая мысль... призвана не бояться вопрошать и думать», — пределом этой свободы является лишь смирение «перед непостижимым»¹, что вся жизнь христианина безраздельно должна быть устремлена к «Фаворскому свету», к обожению.

В последующие годы русское богословие, начавшее новый этап развития, более трезво стало оценивать конкретные идеи архимандрита Киприана, беря на вооружение его выводы или, напротив, не соглашаясь с ними, противопоставляя им новые научные результаты². Тем не менее его книги по-прежнему удивляют богословской свободой, сочетанием научной углубленности с церковной интуицией, богословской поэзией, открывающей лучезарные перспективы, воспарение духа. Про этого удивительного автора хотелось узнать больше.

Конечно, основные сведения о жизни, церковной и богословской деятельности архимандрита Киприана известны. Он сам указал главные события своей молодости (до 1936 г.) в воспоминаниях о митрополите Антонии (Храповицком) и епископе Гаврииле (Чепуре)³. Вскоре после кончины отца Киприана были написаны воспоминания Б. К. Зайцева, В. В. Вейдле, протоиерея Александра Шмемана⁴. В 2000 г., к 40-летию кончины архимандрита Киприана, были опубликованы воспоминания его духовных детей протопресвитера Бориса Бобринского и Марины Феннелл и письма о. Киприана к последней⁵. С использованием этого круга источников в последнее десятилетие написаны несколько статей об отце Киприане и от-

¹ Киприан (Керн), архим. Антропология св. Григория Паламы. Гл. VII: Образ и подобие Божие (человек и ангелы). Париж, 1950. С. 385.

² См.: Антоний (Логонов), игум. Богословские противоречия «Пастырской психиатрии» архим. Киприана (Керна) // Обитель Слова: Альманах. Вып. 2. Нижний Новгород, 2003. С. 135–144; Каченко А. А. Архимандрит Киприан (Керн) как литургист // Вестник церковной истории. 2010. № 1–2 (17–18). С. 310–313.

³ Киприан (Керн), архим. Воспоминания о митрополите Антонии (Храповицком) и епископе Гаврииле (Чепуре). М.: ПСТГУ, 2012.

⁴ Вейдле В. Памяти отца Киприана // Вестник РСХД. 1960. № 56. С. 44–47; Шмеман А., протопресв. Памяти архимандрита Киприана // Там же. С. 48–55.

⁵ Бобринский Б., протопресв. Об архимандрите Киприане // Церковь и время. 2000. № 1 (10). С. 157–162; Феннелл М. Архимандрит Киприан (Керн). 11.6.1899–11.2.1960 // Там же. С. 185–188; Киприан (Керн), архим. Письма к Марине Феннелл // Там же. С. 189–207.

дельных сторонах его научной деятельности: патрологической, литургической, пасторологической¹. В год 50-летия его кончины была проведена конференция его памяти.

Однако наследие архимандрита Киприана требует дальнейшей разработки, а его непростая жизнь, черты личности — уточнения. Это позволяют сделать его сохранившиеся дневники, еще не введенные в научный оборот письма, записки, черновики. Частью этого наследия является картотека русских богословов, речь о которой пойдет в данной статье. Но для понимания места и значения этой картотеки в наследии архимандрита Киприана необходимо обратиться к его жизни и служению.

1. «Не будучи от левитской лозы и от духовной школы...»²

Архимандрит Киприан (Константин Эдуардович Керн) родился 11 мая 1899 г. в Туле. В дальнейшем, осмысляя мистическую сторону человеческой жизни, он обращал особое внимание на знаменательные даты своего пути: родился в день святых Кирилла и Мефодия, «в каковой день и память св. Никодима, архиепископа Сербского (ум. 1325). В этот же день и основание Константинополя». Эти события были связаны и с мирским именем архимандрита Киприана — Константин, и с его дальнейшей жизнью, прошедшей «в значительной степени» в Сербии, и с началом там же духовного служения³. Отец будущего архимандрита Киприана происходил из дворянской

¹ Сидоров А. И. Архимандрит Киприан Керн и традиция православного изучения поздневизантийского исихазма // *Киприан (Керн), архим.* Антропология св. Григория Паламы. М.: Паломник, 1996. С. VIII–LXXVIII; *Иларион (Алфеев), иером.* Архимандрит Киприан (Керн): священнослужитель, монах, богослов. К 100-летию со дня рождения // *Иларион (Алфеев), иером.* Православное богословие на рубеже столетий: Статьи, доклады. М., 1999. С. 201–299; *Лисовой Н. Н.* Предисловие // *Киприан (Керн), архим.* Восхождение к Фаворскому свету / Сост., предисл. Н. Н. Лисовой. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2007. С. 5–16; *Елена (Хиловская), мон.* Архимандрит Киприан (Керн) и его «Путеводитель по русским переводам патристических текстов» // *Вестник церковной истории.* 2010. № 1–2 (17–18). С. 276–309.

² Из письма архимандрита Киприана (Керна) к протопресвитеру Василию Виноградову от 10 июня 1957 г. (Архив ССПБИ в Париже. Фонд архимандрита Киприана (Керна)).

³ *Киприан (Керн), архим.* Воспоминания о митрополите Антонии (Храповицком)... С. 54.

семьи, имевшей шведские корни, был профессором, а затем директором Лесного института в Санкт-Петербурге. Семейный контраст представляла мать: она была из старообрядческой семьи, очень церковна, причем деятельно: читала духовные книги, ходила в храм, ездила по монастырям, встречалась с духовными лицами и церковными деятелями, причем нередко брала с собой сына. Так, одним из детских воспоминаний архимандрита Киприана была первая встреча с преосвященным Антонием (Храповицким), тогда архиепископом Волынским, привезшим на петербургское Почаевское подворье чудотворную икону Богоматери¹. Видимо, уже в детские годы был заложен у будущего пастыря и литургиста церковный ритм и зародилась любовь к православному богослужению. Но в те годы, конечно, речь не шла о перспективе его богословского образования и духовного служения.

К. Керн учился в Императорском Александровском лицее, а после того как Керенский распорядился закрыть этот «инкубатор для будущих превосходительств», перевелся на юридический факультет Московского университета. В это время молодой Керн уже «сильно интересовался церковными делами, читал богословские книги, бывал на служениях Патриарха Тихона, даже думал о поступлении в Московскую Духовную Академию»². Последнее, хотя и не осуществилось, было показателем устремленности будущего архимандрита Киприана к самой сердцевине церковной жизни, в дальнейшем определившей его жизнь. В Москве же, воспользовавшись стечением обстоятельств, он смог в качестве гостя побывать на заседании Всероссийского Священного Собора, увидев там всех главных церковных деятелей эпохи: и впоследствии «в рассеянии сущих», и будущих новомучеников и исповедников в своем отечестве³. Сам архимандрит Киприан связывал с Поместным Собором и воспоминания о второй своей встрече с преосвященным Антонием (Храповицким), после которой молодому Керну предсказывали монашество, ибо «это — Антоний Храповицкий, великий уловитель душ в монашество»⁴.

¹ *Киприан (Керн), архим.* Воспоминания о митрополите Антонии... С. 8.

² Там же. С. 8.

³ Там же. С. 9.

⁴ Там же. С. 10.

К. Керн участвовал в Гражданской войне в качестве солдата Добровольческой армии, с которой в 1920 г. эмигрировал в Константинополь, а затем в Сербию, в Белград. Здесь он продолжил свое образование в Белградском университете, окончив юридический (1922) и богословский (1925) факультеты. Эти годы во многом определили дальнейшую жизнь К. Керна. Он участвовал в деятельности студенческого кружка преподобного Серафима — и результатом этой деятельности стало преобразование кружка в братство: «союз людей, который находился раньше в кружке и перешел в братство, ощутил на себе животворящую силу Церкви — благодати церковной», перед ними «открылся беспредельный путь для внутренних достижений — богатство возможностей — и реальное их осознание»¹. Керн включился и в деятельность Русского студенческого христианского движения (РСХД), участвовал в первых его съездах, хотя это увлечение было временным: в позднейшие годы архимандрит Киприан критиковал это движение, а в период преподавания в Свято-Сергиевском институте так старался охранить институт «от чрезмерного распространения сферы влияния РСХД», что ему даже вменяли в вину «недоброжелательное отношение к РСХД»². Но самым важным в те годы была для К. Керна духовная связь с митрополитом Антонием (Храповицким). Мимолетные встречи в детстве и юности оказались предвосхищением глубокого чувства, полностью захватившего молодого человека: «Очень быстро Антоний стал моим авторитетом, почти кумиром. Я им увлекся, в него влюбился, был им покорен»³. Замечательная пастырская мудрость и большой духовнический опыт митрополита Антония, его удивительная церковность, любовь к богослужению, к уставу на какое-то время стали главным руководством для К. Керна, а богословские взгляды владыки — убедительным критерием изучаемого в университете. Интуитивное стремление к духовной школе, ее истории, традиции, глубине становится реальностью, вычитанное в

¹ Открытое письмо членов Братства св. преподобного Серафима Саровского // Вестник РСХД. 1926. № 5. С. 11–12.

² Из письма архимандрита Киприана (Керна) к протопресвитеру Василию Зеньковскому от 14/27 июня 1952 г. (Архив ССПБИ в Париже. Фонд архимандрита Киприана (Керна)).

³ Киприан (Керн), архим. Воспоминания о митрополите Антонии (Храповицком)... С. 13.

книгах, журналах Советов духовных академий — жизнью. Конечно, К. Керну легче было воспринимать это от митрополита Антония — в чем-то своего, не имевшего сословно-родственно-духовной укоренности, но оказавшегося не маргиналом для духовной школы, а творцом, внесшим в нее свежую струю, вписавшим новую важную страницу. Позднее архимандрит Киприан «критически оценил и переоценил» и богословские взгляды митрополита Антония, и его значение для духовной школы, и его церковные деяния¹. Но на всю жизнь владыка остался для него «исключительным носителем высокого нравственного авторитета»².

По окончании университета молодой богослов поступил на должность преподавателя литургики, апологетики и греческого языка в Битольскую духовную семинарию, а вскоре стал помощником инспектора. К. Керн полюбил духовно-учебное дело: не только свои ученые занятия, но и саму единую жизнь преподавательско-студенческой корпорации, введение в нее новых студентов, «прием новых “бурсаков”, разные усовершенствования в интернате, устройство классов, трапезной и спален на зиму и т.д.»³ Несмотря на лестное приглашение митрополита Евлогия (Георгиевского) войти в состав новообразованного Свято-Сергиевского института в Париже, К. Керн остался в Сербии с митрополитом Антонием.

В 1927 г. К. Э. Керн решил свою судьбу: 2 апреля, в Лазареву субботу, он был пострижен в монашество, на Вход Господень в Иерусалим митрополит Антоний посвятил его в иеродиаконы, в Великий Четверток — в иеромонахи. Дальнейшая его жизнь состояла из трех периодов: руководство Русской духовной миссией в Иерусалиме (1928–1930); второй, «битольский» период (1931–1936); преподавание в Свято-Сергиевском институте — уже до конца земной жизни (1836–1960). За этой сухой периодизацией стоят годы жертвенного церковного пастырского служения, напряженных исследований, усердного преподавания, духовно-аскетического подвижничества, общения, страдания, воспарения, разочарования.

¹ Киприан (Керн), архим. Воспоминания о митрополите Антонии... С. 16.

² Там же. С. 92–93.

³ Там же. С. 70.

Кончина архимандрита Киприана была неожиданной, преждевременной и, как говорят, скоропостижной. В начале февраля 1960 г. он заболел воспалением легких и через несколько дней, отслужив последнюю Литургию и причастившись Святых Таин, 11 февраля отошел в мир иной — в вечность, куда он так стремился. Его духовные чада вспоминали, что он не сопротивлялся болезни, потому что устал жить: «ему было трудно жить, как другим бывает трудно восходить по лестнице»¹, «со временем жить ему становилось все труднее»², «сил для борьбы с болезнью оставалось слишком мало»³. И дело, видимо, было не в непонятности окружающими — архимандрита Киприана любили и друзья, и духовные чада, и не в недостатке собственной любви — он был нежным и преданным другом, заботливым и переживающим духовным отцом... И даже печаль по ушедшим в мир иной близким и потерянным земному отечеству не определяли эту трудность и тоску. Просто «будущим для него была только жизнь после смерти», и это будущее звало архимандрита к себе⁴.

2. «Подражая своим первообразами ангелам, продолжать на земле и довершать ангельское служение...»⁵

Архимандрит Киприан принадлежал к «ученому монашеству» — той особой группе российских иноков, не связанной в дореволюционной действительности с монастырской жизнью, а ориентированной исключительно на духовно-учебную и церковно-административную деятельность. С этой иноческой группой было связано две серьезные проблемы. Во-первых, понятие «ученого монашества» подразумевало научно-богословскую деятельность, но эта заданность не всегда становилась данностью: занятые духовно-учебным — причем преимущественно административным, — служением, иноки не могли посвятить свою жизнь науке. Во-вторых, «ученое монашество» было оторвано от монастырей, и каждый инок должен был выстраивать

¹ Шмеман А., *протопресв.* Памяти архимандрита Киприана. С. 53.

² Феннел М. Архимандрит Киприан... С. 187.

³ Вейдле В. Памяти отца Киприана. С. 44.

⁴ Феннел М. Архимандрит Киприан... С. 187.

⁵ Киприан (Керн), *архим.* Ангелы, иночество, человечество. К вопросу об ученом монашеству // Церковь и время. 1998. № 1 (04). С. 141.

свою жизнь в соответствии с реальными возможностями, личным пониманием монашеского подвига, не имея братской поддержки...

Но именно этот непростой путь оказался единственным для архимандрита Киприана. Само принятие монашества было для К. Керна очень непростым: хотя это решение было самостоятельным, но связано оно было с настроением «некоего пессимизма», «неудачи в жизни», «ощущения какой-то пресности никчемности»¹. Впоследствии о. Киприан признавался, что на это решение имели определенное влияние и митрополит Антоний и архимандрит Николай (Карпов) — в те годы преподаватель Битольской духовной семинарии и духовник К. Керна, в дальнейшем епископ Лондонский; и архиепископ Феофан (Быстров), с которым молодой Керн дружески переписывался. Год, данный ему митрополитом Антонием для проверки — от Пасхи 1926 г. до Страстной седмицы 1927 г., — решения не изменил: чувство, что «в жизни что-то кончилось», что «все кругом неинтересно»², не оставляло. Были мучительны дни перед постригом, проведенные в русском Милькове монастыре в Браничевской епархии: более всего мучил «ужас монастырской общежительной жизни», «беспросветный физический труд», «окружающая среда безграмотных мужиков», сфера интересов «о сегодняшней трапезе, о монастырских новостях, о том, кто завтра служит»... Мильков монастырь так и остался единственным опытом собственно монастырской жизни архимандрита Киприана, и в дальнейшем не мог он отделаться от удручения от хозяйственных монастырских забот, хотя и понимал, что «с точки зрения чистой аскетики все это очень хорошо и спасительно»³.

Не следует, видимо, в этих терзаниях видеть дворянскую спесь, отделенность от народа и пренебрежение к нему. Архимандрит Киприан был приурочен к научной работе, служению Церкви богословской наукой, и монашество давало возможность всецелой преданности этому предназначению. Все, что неизбежно принижало это служение, вызывало тоску и отвращение⁴. Но в ощущении коллизии, связанной со вступлением на путь ученого монашества и следова-

¹ Киприан (Керн), *архим.* Воспоминания о митрополите Антонии (Храповицком)... С. 49.

² Там же. С. 50.

³ Там же. С. 63.

⁴ Там же. С. 51.

нием ему, была неразрывная связь со страданиями и болью дореволюционных российских ученых иноков: «приятие монашества в условиях вне учебного монастыря, вне своей, конгениальной среды»¹, вся их маргинальная — служивая — жизнь. Если дореволюционное учебное монашество пришло к выводу о неизбежной консолидации сил и привязке их к особому, учебному монастырю и даже учреждению особой, монашеской, академии², то архимандрит Киприан неоднократно скорбел о таких возможностях, предоставленных католическому монашеству — бенедиктинскому, доминиканскому... И мечтал о русском учебном монашеском ордене.

Утешением в «монашеских сомнениях» архимандрита Киприана стало близкое знакомство с личностью архимандрита Антонина (Капустина) — одного из его предшественников по управлению Иерусалимской миссией. В судьбе этого великого и загадочного русского монаха, обретшего свободу во Христе и реализацию своих возможностей и упований на Православном Востоке, о. Киприан находил себе, одинокому «монаху в миру», оправдание. «Отец Антонин не был рядовым представителем *чиновного* учебного монашества, послушного действием, совестью и мыслью всему тому, что определило и закрепило императорскую политику по отношению к Церкви»³. Ему оказались очень близки слова великого литургиста и секретаря Императорского Православного Палестинского общества А. А. Дмитриевского, написанные об архимандрите Антонине: «Монахом в общепотребительном значении этого слова архимандрит Антонин никогда не был», но «по духу он был более монах, чем монахи, живущие в келиях»⁴.

В первые «парижские» годы архимандрит Киприан служил в храме монашеской общины, организованной матерью Марией (Скобцовой). Но путь монашеского «служения миру», т. е. активная

¹ Киприан (Керн), архим. Воспоминания о митрополите Антонии... С. 53.

² Подробнее об этом см.: Сухова Н. Ю. Проекты организации монашеских научно-образовательных учреждений в России (1917–1918 гг.) // XX Ежегодная Богословская конференция ПСТГУ: Материалы: В 2 т. М., 2010. Т. 1. С. 381–388.

³ Киприан (Керн), архим. Отец Антонин Капустин, архимандрит и начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (1817–1894 гг.). М., 1997. С. 6.

⁴ Там же. С. 51.

общественная деятельность, которой занималась эта община, — «социальная хлопотливость»¹, — также был чужд для о. Киприана, его призванием была стезя «ученого монашества», служения Церкви наукой.

Свой позитивный взгляд на задачи учебного монашества архимандрит Киприан изложил в речи на годовом акте Свято-Сергиевского института 8 февраля 1942 г. «Ангелы, иночество, человечество»². Речь говорилась в те годы, когда по всей Европе полыхал пожар мировой войны. Все крупные богословы, в том числе и профессора Свято-Сергиевского института, считали своим долгом откликаться не только в книгах и статьях, но и в устных выступлениях на происходящее, на актуальные проблемы времени¹. Однако о. Киприан говорил вовсе не об этом: напротив, это был гимн «ангельскому образу», который воплощает «в своей человеческой, земнородной природе дух бесплотных небожителей»³. К этому времени о. Киприан уже мог сформулировать свое понимание того, чем же должно быть монашеское служение прежде всего: «в своей земной ограниченности, и отягченное своим плотским бременем делать то духовное, что и роднит его с ангелами-духами и с Самим Богом-Духом»⁴. Для архимандрита Киприана это, прежде всего, — «служение Мудрости, Боговедения и Просвещения», неотъемлемая обязанность «просвещать окрест себя весь мир, всех человеков»⁵. История русского иночества знала изумительные примеры иноческого служения науке, искусству, культуре и просвещению, монастыри и были в большей или меньшей степени центрами просвещения. Жесткая упорядоченность жизни, внесенная Петром I, оставила за монастырским монашеством преимущественно утилитарные задачи, и оно потеряло главное — свое «светолитное» предназначение. Те же отдельные иноки, которые пытались подвизаться «на путях богословской или иной какой науки», при отсутствии учебного ордена, ученых монастырей либо попадают «в обычный бытовой круг», либо становятся маргиналами-

¹ Киприан (Керн), архим. Воспоминания о митрополите Антонии (Храповицком)... С. 60.

² Киприан (Керн), архим. Ангелы, иночество, человечество... С. 135–153.

³ Там же. С. 138.

⁴ Там же. С. 139.

⁵ Там же. С. 143, 144.

одиночками. В любом случае, положение их «не только трудное, но и впрямь трагическое»¹. И главное для архимандрита Киприана: «наука — такой же подвиг; просвещение — такое же служение; это общее дело, что, выражаясь по-гречески, означает “литургия”. Служители и строители церковной культуры ничем не меньше аскеты, подвижники, мученики, чем рядовые священники, служащие Богу и людям, и монахи, занимающиеся для своего спасения молитвою, и физическим трудом»². Эта апология научного служения Церкви удивительно перекликается с главным тезисом, который отстаивали профессора российских духовных академий в 1917 г.: «...служить Церкви строгою, стоящей на уровне века богословской наукой так же высоко и плодотворно, как и служить в сане пастыря»³. И это еще раз подтверждает «сродство» о. Киприана российской духовной школе, которая так его интересовала и тайну которой он хотел разгадать.

3. «Евхаристия была, есть и будет центральным нервом христианской жизни»⁴

Очень много значило для архимандрита Киприана пастырское служение. Он вспоминал, что слабо ощутил диаконское рукоположение, но очень остро — священническое. Много значило и то, что рукоположение было совершено в Великий Четверток, день установления Таинства Евхаристии, что предзнаменовало его священство «как преимущественное тайнодействие», «не проповедничество, не душепопечение, не требоисправление... а именно литургическая, теургическая евхаристическая служба в священстве»⁵. Хотя давалось это, особенно в первые годы, непросто: «боялся Чаши, боялся своей неподготовленности, своего недостойнства, боялся быть опаленным божественным огнем»⁶. Но Евхаристия всю жизнь была главным для

¹ Киприан (Керн), архим. Ангелы, иночество, человечество... С. 148.

² Там же. С. 150.

³ Объяснительная записка к Уставу православных духовных академий, выработанному Отделом о духовных академиях (ГА РФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 381. Л. 253).

⁴ Киприан (Керн), архим. Евхаристия. С. 25.

⁵ Киприан (Керн), архим. Воспоминания о митрополите Антонии (Храповицком)... С. 60.

⁶ Там же. С. 61.

архимандрита Киприана — и в богословии, и в церковной жизни, и в личном духовном опыте.

Евхаристия, с точки зрения архимандрита Киприана, была не только центром богослужебной жизни, с которым изначально были связаны все церковные таинства, молитвословия и чинопоследования, но и «центральным нервом христианской жизни» в целом. «Без Евхаристии нет церковности, нет и не может быть оцерковления жизни»¹. Поэтому иерей, а за ним и все молитвенное собрание, и всякий верующий «должен в Евхаристии сосредоточить всю молитвенную жизнь». Архимандрит Киприан понимал и принимал единение только в евхаристическом собрании — иные формы общности им отвергались, как не имеющие смысла и уводящие от Христа, от Церкви: «Я глубоко отрицательно отношусь ко всяким формам коллегиальности и общественности»². Евхаристия же должна «обнимать и освящать всю жизнь христианина, его творчество, его дела и порывы»³. «Чувство евхаристичности», «постоянное желание служить св. Литургию» для о. Киприана являлось определяющим и в пастырском служении, делом жизни священника⁴. «Священство есть по преимуществу Литургия, Евхаристия, мистическое единство со Христом в Таинстве Тела и Крови»⁵. Именно так и жил о. Киприан: Литургия была центром его жизни, главным смыслом — он жил, как и учил, «в евхаристической настроенности»⁶.

С этим пониманием полной включенности священника в Евхаристию связано, видимо, и мнение архимандрита Киприана о соборных служениях. Он высказал его открыто в лекциях по Пастырскому богословию и, несмотря на многочисленные критические замечания, неуклонно его отстаивал. По мнению о. Киприана, священство состоит «в самостоятельном совершении Божественной Евхаристии,

¹ Киприан (Керн), архим. Евхаристия. С. 26.

² Из письма архимандрита Киприана (Керна) к протопресвитеру Василию Зеньковскому от 2 марта 1951 г. (Архив ССПБИ в Париже. Фонд архимандрита Киприана (Керна)).

³ Киприан (Керн), архим. Евхаристия. С. 28.

⁴ Киприан (Керн), архим. Православное пастырское служение. Из курса лекций по Пастырскому богословию. Париж, 1957. С. 44.

⁵ Там же. С. 43.

⁶ Киприан (Керн), архим. Евхаристия. С. 26.

а не в сослужении других», в соборных же «*сослужениях* можно говорить о причащении *состоящих* кругом иереев и из одной Чаши, и от руки одного иерея или архиерея, но говорить о сослужении нельзя»¹. После публикации лекций о. Киприан вступил в дискуссию по этому вопросу с протопресвитером Василием Виноградовым, которого очень уважал как опытного пастыря и профессора Пастырского богословия еще в дореволюционной Московской духовной академии. Но, несмотря на авторитет собеседника, о. Киприан настаивал на том, что при совершении Евхаристии «один только предстоятель СИМВОЛИЗИРУЕТ Христа, а остальные священники суть только апостолы, участники Тайной Вечери» (выделено архимандритом Киприаном. — *Н. С.*)².

Разумеется, поставление в центр священства Евхаристии не означало пренебрежения архимандритом Киприаном к остальным сторонам священнического служения — прежде всего, душепопечению, духовничеству. В самом начале пастырского служения с исповедью у о. Киприана было связано «некое искушение». Поставленный на следующий день после хиротонии исповедовать, он заслужил критические замечания духовника за то, что, не имея пастырского опыта, «исповедует, старчеству, духовничает»³. В дальнейшем о. Киприан много думал о духовническом служении, которое «и опасно, и ответственно»⁴. У него был замечательный юношеский опыт исповеди у митрополита Антония, когда исповедник «на деле» почувствовал «всю силу и глубину его пастырской сострадательной любви, совместное переживание греха не только грешника, но и духовника»⁵.

В 1940 г. митрополит Евлогий определил архимандрита Киприана настоятелем церкви святых равноапостольных Константина и Елены в пригороде Парижа — Кламаре. И это оказалось очень удачным выбором и для общины, и для самого архимандрита Киприана: пастырь

¹ *Киприан (Керн), архим.* Евхаристия. С. 44–45.

² Из письма архимандрита Киприана (Керна) к протопресвитеру Василию Виноградову от 14/27 июня 1957 г.

³ *Киприан (Керн), архим.* Воспоминания о митрополите Антонии (Храповицком)... С. 62.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 12.

сразу вошел... в приход, и его полюбили все»¹. Воспоминания его духовных чад и переписка, как опубликованная, так и неопубликованная, свидетельствуют о том, что о. Киприан был «иерей Божией милостью». Для его прихожан «по-новому открылись все церковные службы», он умел обратить внимание на литургические тексты, и они оживали «во всей своей красоте» и богословской глубине².

Архимандрит Киприан неоднократно подчеркивал важность православной традиции женатого духовенства, подтверждая эту убежденность и канонами, и своим богословским пониманием «освящения брака и жизни, освящения всего общего дела человеческого на земле, ради которого слово стало плотью, благодаря именно тому, что и священники своею брачною жизнью так тесно входят в освящение этого земного бытия»³. И считал, что у монашествующего или целибатного священника «нет опыта семейной жизни, ему неведомо отеческое родственное отношение к пасомым, особенно к молодежи»⁴. Однако сам архимандрит Киприан, несмотря на монашество, сумел стать для своей паствы любящим отцом и как раз был очень хорошим духовником для своих юных прихожан. «Духовное водительство о. Киприана оказалось для меня неоценимой поддержкой и помощью»⁵; «Такого духовного отца мало кто имел и имеет, особенно в наше время»⁶, — так писали о нем его духовные чада. Двадцать последних лет своей жизни архимандрит Киприан был тесно соединен со своей паствой, и это давало ему и реальный опыт пастырской любви и духовного отцовства, и возможность глубже и полноценнее осмыслить пастырское служение как таковое. В военные годы, когда не ходили трамваи, о. Киприан пешком в любую погоду шел через весь Париж к своим пасомым, неся им то, ради чего жил сам, — «обновление в литургической жизни»⁷.

¹ *Феннелл М.* Архимандрит Киприан... С. 186.

² Там же.

³ Из письма архимандрита Киприана (Керна) к М. И. Лот-Бородиной от 1/14 апреля 1945 г. (Архив ССПБИ в Париже. Фонд архимандрита Киприана (Керна)).

⁴ *Киприан (Керн), архим.* Православное пастырское служение. С. 111.

⁵ *Бобринский Б., протопресв.* Об архимандрите Киприане. С. 157.

⁶ *Феннелл М.* Архимандрит Киприан... С. 185.

⁷ *Киприан (Керн), архим.* Евхаристия. С. 25.

4. «Се, входим в Иерусалим...»¹: человек Вселенской Церкви

Почти сразу после священнической хиротонии в 1928 г. о. Киприан стал архимандритом и был назначен начальником Русской духовной миссии в Иерусалиме. Он не только не был рад своему назначению, но молил о «миновании его сей чаши». Ему не хотелось в Палестину, ибо предполагал, что «самой Палестины, библейского Иерусалима, тишины галилейских пейзажей» не увидит, а будет связан «с труднейшей проблемой нашей Миссии»: огромный долг, «призрак административной работы», «запутанность отношений с греками, с Палестинским обществом»². Но принятое монашество, конечно, не позволяло отказываться от назначения. Действительно, служение в Миссии оказалось нелегким, непросто было управлять, будучи связанным со «входящим во все мелочи архиепископом Анастасием» (Грибановским), который по поручению Архиерейского Синода наблюдал за Иерусалимской миссией. И, прослужив в Иерусалиме два года, архимандрит Киприан стал проситься обратно на преподавательское служение. Отпустили его с большим трудом, но все же удалось вновь вернуться в Битоль.

Но Иерусалимский период, несмотря на его краткость (до 1930 г.), очень много значил в жизни о. Киприана. Святая Земля, тесное общение и служение с духовенством других Поместных Церквей — Константинопольской, Антиохийской, Иерусалимской — побуждали к осмыслению бытия Вселенской Церкви, ее единства. До поездки в Иерусалим архимандрит Киприан, по собственным воспоминаниям, был «очень национально настроен», что «потом совсем, после Иерусалима, сгладилось»³. Отец Киприан и раньше отличался «филэллинством», и митрополит Антоний, провожая о. Киприана в Иерусалим, «очень настаивал на развитии и укреплении» этого чувства, на вхождении в близкие отношения с Иерусалимской Патриархией, общении с греческим духовенством, в частности с выпускником Московской академии архимандритом Каллистом (Меллиара)⁴. Во всем

¹ Название дневника архимандрита Киприана за 1828–1830 гг. (время служения в Иерусалимской духовной миссии).

² *Киприан (Керн), архим.* Воспоминания о митрополите Антонии (Храповицком)... С. 64, 70.

³ Там же. С. 50.

⁴ Там же. С. 72. Архимандрит Каллист (Меллиара) — грек по происхождению,

этом архимандриту Киприану не надо было себя пересиливать: он с удовольствием общался с греческой иерархией, удивляясь ее «величием, соединенным с исключительной доступностью и простотой»; участвовал в греческом богослужении, восхищаясь его близостью «к самому смыслу и духу Вечери в Сионской Горнице, литургии в катакомбах и темницах первых веков»¹. «Филэллинство» архимандрита Киприана напиталось, с одной стороны, любовью к Иерусалиму — колыбели христианства, с другой — ощущением вселенского Православия, не ограниченного национальными границами и (что немало важно!) не обусловленного какими-либо политическими мотивами. Эта новая открывшаяся перспектива, разнообразие православных традиций, взглядов, поразили и восхитили о. Киприана.

И в этом оказался очень близок архимандриту Киприану его далекий и великий предшественник по миссионерскому служению — архимандрит Антонин (Капустин). Отец Киприан, все больше погружаясь в жизнь и идеи о. Антонина, старательно собирая в архиве Иерусалимской миссии его записки и письма, выделил «ключевой момент» формирования его личности: попал на Православный Восток «русский ученый монах, воспитанник и сын русской поместной Церкви», а вырос «церковный деятель, мыслящий и сознающий Православную Церковь как вселенское единство всех христианских народов, живущих в Ней благодатной жизнью»². Архимандрит Киприан и в себе чувствовал после Иерусалима такой же переворот, который определял как способность «воспринять смысл исполнения Церкви во всем величии ее вселенского идеала»³. Он пересматривал всю историю Православия и видел, как постепенно совершалось «ослабление вселенского сознания христианства», уступая место «настойчивому исканию мелочных различий во мнениях и обрядах». Особенно болезненным казалось о. Киприану «национальное обособление» русского Православия, обусловленное сложностями исторического процесса: ко времени принятия христианства от греков «в греческой церкви уже значительно угас пафос первохристианского вселенского единения в

окончил Иерусалимское патриаршее богословское училище и Московскую духовную академию (в 1894 г., со степенью кандидата богословия).

¹ *Киприан (Керн), архим.* Отец Антонин Капустин. С. 87–88, 92.

² Там же. С. 79.

³ Там же.

любви», а дальнейшее, уже собственно русское, развитие усиливало это угасание¹.

Ограниченность «национально-русского» Православия архимандрит Киприан почувствовал и в своей личной судьбе. Он был рукоположен в Сербской Церкви, являлся сербским клириком и преподавателем сербской семинарии, подчиненной и сербскому архиерею, и сербскому министерству. Но русский Синод назначил о. Киприана, не подчиненного Синоду человека, в свою церковную юрисдикцию, начальником Иерусалимской миссии без всякого согласования с Сербской поместной Церковью. Такое «хозяйничанье с их клириками» вызвало недовольство сербской иерархии, которое было высказано не митрополиту Антонию, которому многое простили, а самому архимандриту Киприану².

Но если до Иерусалима это только огорчило о. Киприана, после Иерусалима он по-иному смотрел на ««вселенские» претензии карловацкого Синода» и на «раскол» между карловчанами и митрополитом Евлогием (Георгиевским). Отца Киприана «больно коробило все более крайнее политиканство карловчан, их невероятно провинциальное отношение к делам Русской Церкви», он мучился своим участием в этом «провинциализме», так резко контрастирующем с ясным ощущением принадлежности к Церкви Вселенской³. Это чувство определило и положительное отношение архимандрита Киприана к переходу митрополита Евлогия в юрисдикцию Константинопольского патриарха. Отец Киприан и в дальнейшем считал подчинение митрополита Евлогия с его западноевропейскими приходами Константинопольскому патриарху «совершенно бесспорным, как с точки зрения канонической, так и политической», считая канонически оправданной «власть Вселенского Престола... над всеми территориями в Европе вне территории иных автокефальных церквей»⁴. И новое

¹ Киприан (Керн), архим. Отец Антонин Капустин. С. 80–88.

² Киприан (Керн), архим. Воспоминания о митрополите Антонии (Храповицком)... С. 66–67.

³ Там же. С. 41–43, 73–74.

⁴ Из письма архимандрита Киприана (Керна) к священнику Александру Киселеву от 4/17 мая 1946 г. (Архив ССПБИ в Париже. Фонд архимандрита Киприана (Керна)).

приглашение войти в корпорацию Свято-Сергиевского института в Париже архимандрит Киприан принял как выход из мучившего его положения: и с точки зрения церковно-юрисдикционной принадлежности, и с точки зрения научной бесперспективности. Наконец, архимандрит Киприан пошел на резкий шаг: «С юрисдикцией митрополита Антония я решительно порвал. Его я не переставал любить и чтить, но всю “антониевщину”, все “карловацкое” окружение не принимало мое сердце»¹. Несмотря на просьбы своего сербского епархиального архиерея преосвященного Николая (Велимировича) и самого патриарха Варнавы, очень любивших Россию и всячески помогавших русской диаспоре², архимандрит Киприан добился решения Сербского Синода о переходе к митрополиту Евлогию. Последним деянием на сербской земле было отпевание почившего митрополита Антония...

Как уже говорилось выше, многие близкие архимандриту Киприану люди вспоминали, что он устал жить. Наверное, он действительно был слишком «нездешним» для этого мира с его суетой, разделениями, конфликтами, непониманием... Горний мир, который открывался в Литургии, которому были причастны святые отцы — собеседники и сотаинники архимандрита Киприана, — был ближе и несравненно дороже, именно к нему стремился отец Киприан в своей земной жизни. «Евхаристичность мировоззрения», к которой он призывал своих духовных чад, учеников, читателей и которую

¹ Киприан (Керн), архим. Воспоминания о митрополите Антонии (Храповицком)... С. 66–67.

² Варнава (Росич) (1880–1937), Патриарх Сербский. Выпускник Призренской духовной семинарии (1900), Санкт-Петербургской духовной академии (1905). Епископ Дабарский и Велесский (Македония; 1910), Битольский и Охридский (1913), митрополит Скопье (1920), Патриарх Сербский (1930).

Николай (Велимирович) (1880–1956), святитель Сербской Православной Церкви. Выпускник Белградской духовной семинарии, Старокатолического факультета в Берне, философского факультета в Оксфорде, Санкт-Петербургской духовной академии (1914). Епископ Охридской епархии (1920), Жичской епархии (1934). Во время Второй мировой войны был в концентрационном лагере Дахау, после прихода к власти в Югославии Тито переехал в США. Скончался в русском монастыре св. Тихона (штат Пенсильвания). В 1987 г. прославлен как местночтимый святой Шабачско-Валевской епархии, в 2003 г. — как святой Сербской Православной Церкви.

старался выработать в себе, трудно сопрягалась с юрисдикционными проблемами, организационными заботами, личностными трениями. И от этого архимандрит Киприан очень устал. Он всегда знал и убеждал своих духовных детей в том, что «ничто не может спасти этот гибнущий мир, кроме силы духа и святости»¹. Но в этом мире, где «святое кажется случайным, не жизненным и устаревшим»², и сам архимандрит Киприан чувствовал себя лишним.

Как представляется, в этой разделенности, суеде, случайности архимандрит Киприан уже не был участником и жильцом, ибо гораздо отчетливее видел иной — надежный своим единством и неизбежностью — путь: «Человек... призван встать и идти по тому пути, который указан ему Богочеловеком, сказавшим о Себе Самом: “Аз есмь Путь, Истина и Жизнь”. Куда ведет этот путь? Ответить можно одним словом: к обожению. Или скажем предсмертными словами самого св. Григория Паламы: “в горяня... в горяня... к СВЕТУ”»³.

Картотека русских богословов, составленная архимандритом Киприаном (Керном) (Свято-Сергиевский Православный Богословский институт в Париже)

На протяжении многих лет духовно-учебного служения в Париже архимандрит Киприан составлял картотеку русских богословов, о двойной цели которой писал своим единомышленникам: во-первых, для себя самого, желая глубже понять эту традицию и сохранить ее для богословия русской диаспоры; во-вторых, для «иностранных и инославных друзей», у которых «всякая библиографическая и биографическая черта находит... гораздо больше интереса, чем у наших соотечественников»⁴. Принцип включения русских богословов в эту картотеку стал понятен после ее изучения: архимандрит Киприан постарался охватить всех выпускников российских духовных академий,

¹ Киприан (Керн), архим. Письма к Марине Феннелл... С. 201.

² Там же.

³ Киприан (Керн), архим. Антропология св. Григория Паламы. М., 1996. С. 428.

⁴ Из письма архимандрита Киприана (Керна) к протопресвитеру Василию Виноградову от 10 июня 1957 г.

начиная с их выделения в 1808–1814 гг. в особую ступень — высшую духовную школу, — до разрушения российской духовно-учебной системы в 1918 г. Архимандриту Киприану, не имевшему личного духовно-учебного опыта в России, были чрезвычайно важны и дороги все сведения, факты, черты жизни «академического» богословия и, разумеется, его особой составляющей — «ученого монашества». Сам «не будучи от левитской лозы и от духовной школы»¹, архимандрит Киприан уповал на ее плодотворность, считая духовенство «подлинной русской аристократией». Осмысление своего служения Церкви неразрывно связывалось у о. Киприана с пониманием русской богословской традиции и воспитанием в себе — всеми силами, насколько это возможно, — того, что давала духовная школа.

Еще в 1917 г. он заинтересовался жизнью духовных академий, но, конечно, тесная связь с академиями началась уже в диаспоре. Архимандрит Киприан «читал и перечитывал журналы наших академий, особенно же протоколы заседаний Советов академий, рецензии на кандидатки и магистерки»². Ему важна была «лаборатория научной мысли», рождение того неповторимого феномена, который представляла российская духовная школа XIX — начала XX в. Отец Киприан старался получить сведения о профессорах и выпускниках духовных академий и от оставшихся в живых свидетелей. Так, с этой целью в 1957 г. он вступил в переписку с протопресвитером Василием Виноградовым — последним из известных профессоров Московской духовной академии, находившимся за границей³. Заданные вопросы

¹ Из письма архимандрита Киприана (Керна)...

² Там же.

³ Василий Петрович Виноградов (23.03.1885–24.10.1968), протопресвитер. Выпускник Вифанской духовной семинарии (1905) и Московской духовной академии (1909), профессорский стипендиат и преподаватель по кафедре пастырского богословия с аскетикой и гомилетики там же. С 1918 г. нес ответственное служение при Святейшем Патриархе Тихоне, в 1922 г. был рукоположен Святейшим Патриархом во иерея. Был неоднократно арестован, оказавшись на оккупированной территории, в 1942 г. переехал в Вильнюс, в 1944 г. эмигрировал в Австрию и перешел в юрисдикцию Русской Православной Церкви за границей. В 1945 г. перебрался в Германию.

Переписка архимандрита Киприана и протопресвитера Василия (выявлено 19 писем) находится в архиве ССПБИ в Париже, в фонде архимандрита Киприана (Керна).

помогли прояснить судьбы некоторых профессоров и студентов этой академии.

В настоящее время картотека архимандрита Киприана помещается в 14 ящиках, карточки (по именам выпускников духовных академий) расположены в алфавитном порядке: 1-й ящик — «А», 2-й — «Б»... 14-й — «У—Я». Кроме выпускников российских православных духовных академий, в картотеку включены некоторые русские архиереи XIX — начала XX в., не имевшие высшего духовного образования; отдельные выпускники духовных семинарий, поступившие по окончании их в университеты и занимавшиеся не богословием, а гуманитарными науками (историей, словесностью). В некоторых карточках (их сравнительно немного) приведена только фамилия и инициалы или имя монашествующего (чаще всего с указанием сочинения, обусловившего включение в картотеку). Эти авторы идентифицируются не всегда, но некоторые из установленных не кончали академий, хотя архимандрит Киприан мог этого не знать, т. к. полных списков выпускников академий у него, несомненно, не было. Видимо, все эти имена включались в картотеку по мере того, как в прорабатываемых источниках встречались указания на их сочинения или судьбы.

Содержание карточек неоднородно. Минимум сведений, который есть на большей части карточек, кроме имени богослова, — указание на оконченную духовную академию и год окончания. Довольно часто указывается оконченная семинария, тема кандидатского сочинения, первое место служения, чаще всего духовная семинария или училище, в которых преподавал этот выпускник сразу после окончания академии. На некоторых карточках заготовлено место для темы кандидатского или магистерского сочинения, но самой темы нет — видимо, о Киприану так и не удалось ее выяснить. Реже указываются дополнительные сведения: дата рождения и/или кончины, этапы служения (училища, семинарии, храмы, монастыри, кафедры), научные и публицистические труды, опубликованные проповеди. Иногда дается указание на то, что диссертация или монография выпускника академии была отмечена премией (преимущественно Макарьевской), или делается особое примечание: например, отвержение диссертации Советом академии или Синодом. В отдельных случаях приводятся совсем «личные» сведения: семейные связи, жена, дети. По понятным причинам более подробные сведения приведены для

преподавателей духовных академий. Большой части выпускников посвящено по одной карточке, но есть известные богословы, труды которых зафиксированы на двух, трех и даже семи карточках.

Проанализировав сведения, приведенные на карточках, можно очертить круг источников, использованных при составлении картотеки. Прежде всего, в основу были положены журналы (протоколы) Советов духовных академий и их ежегодные отчеты, о которых неоднократно упоминает сам архимандрит Киприан. В нескольких карточках дается прямая ссылка на «Историю Московской духовной академии» С. К. Смирнова, видимо, использовались и другие труды историков духовных академий, охватывающие период до 1869 (1870) г.¹ Есть указания на «Собрание мнений и отзывов» святителя Филарета (Дроздова), в котором приведены рецензии на сочинения выпускников духовных академий, составленные святителем по поручению Синода². Можно предположить, что архимандрит Киприан использовал юбилейные статьи и некрологи, публикуемые и в периодических изданиях духовных академий, и в других церковных журналах, которые есть, хотя и не за все годы, в библиотеке ССПБИ. Явных указаний на это о Киприане не дает, но объем информации в некоторых карточках мог быть заимствован именно из источников таких видов. Видимо, использовались вышедшие до революции тома «Православной богословской энциклопедии» (Лопухина—Глубоковского)³. Кроме того, есть фрагментарные сведения, почерпнутые из других, случайных источников. Сам архимандрит Киприан писал: «Моя картотека (много тысяч фишек)

¹ Смирнов С. К., *прот.* История Московской духовной академии до ее преобразования 1814—1870. М., 1879; Чистович И. А. История Санкт-Петербургской духовной академии. СПб., 1857; Малышевский И. И. Историческая записка о состоянии Киевской духовной академии в истекшее пятидесятилетие // Труды Киевской духовной академии. 1869. № 11—12. С. 64—138; Знаменский П. В. История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842—1870): В 3 вып. Казань, 1891—1892.

² Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам, изданное под ред. преосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского: В 5 т. СПб., 1885—1888.

³ Православная богословская энциклопедия / Изд. под ред. А. П. Лопухина (т. 1—5) и Н. Н. Глубоковского (т. 6—12). СПб.—Пг., 1900—1911.

составлялась и пополняется материалом совершенно случайным. В парижских книгохранилищах (Нац[иональная] Библ[иотека], Визант[ийский] Институт, Славян[ский] Инст[итут], Славянская библиотека иезуитов, составленная из книг Мартынова, Гагарина и пр., Библиотека Школы Вост[очных] языков, наконец, и наша институтская) можно найти очень много по части “Rossica”, но, конечно, далеко не все... Посему мое библиофильство никак не может быть удовлетворено так, как я бы того хотел»¹.

Насколько полно удалось архимандриту Киприану выполнить задуманное? Сравнив состав картотеки с полными списками выпускников духовных академий 1814–1918 гг., можно сделать вывод, что архимандриту Киприану удалось охватить около двух третей русских богословов. Выпускники последних предреволюционных лет (1915–1918), по понятным причинам, включены в картотеку минимально.

Конечно, в наше время круг источников, связанных с историей русского богословия и духовной школы, расширился, стали доступны многие архивные документы, которых не мог иметь архимандрит Киприан. Проведен ряд исследований, которые уже представляют собранные и систематизированные данные по конкретным духовным академиям, отдельным категориям русских богословов. Но составление полноценной истории российской высшей духовной школы, и тем более полномасштабной истории русского богословия XIX — начала XX в., — дело будущего. Поэтому, несмотря на неполноту охвата и фрагментарность приведенных сведений, картотека архимандрита Киприана может быть использована в этой работе. Это было бы данью памяти отца Киприана, стремившегося всей своей жизнью войти в духовно-учебную традицию, и еще одним подтверждением неразрывной связи все этапов русской богословской традиции.

¹ Из письма архимандрита Киприана (Керна) протопресвитеру Василию Виноградову от 20 декабря 1957 г. (Архив ССПБИ в Париже. Фонд архимандрита Киприана (Керна)).

ПУБЛИКАЦИИ

Г. В. Бежанидзе

НОВАЯ КНИГА О МИТРОПОЛИТЕ ФИЛАРЕТЕ (ДРОЗДОВЕ)

Сегень А. Ю. Филарет Московский. М.: Молодая гвардия, 2011. — 429 с. (Жизнь замечательных людей; вып. 1525 (1325)).

В большом потоке церковной и околоцерковной литературы разных жанров и разного качества подчас трудно бывает заметить интересную книгу. За последние годы наметилась определенная специализация, и православный читатель уже не спешит покупать любую книгу, где говорится о вере и Церкви. Однако неизменным вниманием по-прежнему пользуются произведения о видных деятелях нашей церковной истории, будь это житие, сборник документов или роман. Существует давняя традиция душеполезного и назидательного чтения, а что более ей удовлетворяет, чем рассказ о святом?

Издательство «Молодая гвардия» уже не первый год выпускает в своей известной серии «ЖЗЛ» («Жизнь замечательных людей») книги о людях Русской Церкви: патриархе Тихоне, преподобном Сергии Радонежском, преподобном Савве Сторожевском, благоверном князе Александре Невском. В этот ряд встала и книга Александра Сегеня «Филарет Московский».

Очевидно, что писатель поставил для себя почетную, но непростую задачу: предложить читателям популярный рассказ о жизни и служении замечательного деятеля Русской Церкви XIX в., причисленного к лику святых. Но это благое дело требует как почитания святителя Филарета, так и дерзновения на охват всего его многообразного полувекового служения Церкви, а также определенного уровня профессиональных знаний.